

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

А. П. Анисимов

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградский институт бизнеса

В статье исследуются существующие доктринальные взгляды на категорию “экологический правовой порядок”. Автор приходит к выводу о том, что экологический правовой порядок – это не нормативная категория (данный термин не используется в экологическом законодательстве), а доктринальная, а потому ее цель – создание научной системы оценок эффективности применения экологического законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

Ключевые слова: правовой порядок; экология; отрасль права; правоотношение; субъект; суд.

Введение

Проблема социального порядка столетиями была в центре внимания мировой юридической мысли. Современная правовая наука накопила огромное количество сведений о достижениях и ошибках правового регулирования экологических отношений, выработала решения, позволяющие преодолеть либо хотя бы смягчить современный экологический кризис. Вместе с тем, требуется дальнейшее осмысление современной динамики правовой жизни, эффективные исследования новых эколого-правовых реалий, особенно когда это касается экологической и других глобальных проблем современности.

Основная часть

Как отмечалось в научной литературе, правовой порядок – это тот юридический результат, к которому стремится государственная власть и все субъекты права, используя разнообразные приемы и пути. В этом социальном результате органически сливаются объективные потребности упорядоченности жизни с деятельностью людей по урегулированию их поведения и поступков.

Данный порядок является юридическим. В законах страны закрепляются все вопросы, связанные с его оформлением, функционированием, поддержанием. Они определяют отношения, включаемые в систему правового порядка, участников, их правовые характеристики и связи; методы и процедуру регулирования, пространственно-временные и личностные характеристики и др. [1, с. 190–191].

В теории права обсуждается необходимость более широкого правопонимания, когда правовой порядок понимается и как результат деятельности государства, и как результат массовой стихийной социальной деятельности людей по установлению правовых взаимоотношений. Фундаментальность понятия правового порядка состоит здесь, прежде всего, в том, что посредством него с равным успехом

право характеризуется и в социологическом, и в собственно юридическом, и в естественно-правовом аспекте. Из этого следует, что множественность подходов к исследованию проблемы правопорядка необходима и целесообразна на современном этапе развития действующего права [2, с. 14].

Анализ существующих в правовой науке концепций правопорядка позволил Л.В. Ращупкиной выделить три подхода к пониманию этого сложного явления: 1) состояние общественных отношений, связанное с реализацией права и законности (Л.С. Явич, С.С. Алексеев, Т.М. Шамба, А.С. Шабуров и др.); 2) состояние общественных отношений, характеризующееся (выражающееся) системой правоотношений (В.В. Борисов, М.И. Байгин, Б.Л. Назаров, В.М. Сырых); 3) упорядоченность общественных отношений, выраженная в правомерном поведении (Г.С. Котляревский, А.Б. Лисюткин, В.Н. Казаков) [3, с. 8].

Представляется, что вторая методологическая основа является наиболее логичной и обоснованной, и позволяет более четко отграничить правопорядок от многих родственных ему правовых явлений, хотя на этот счет есть разные точки зрения. Так, одни авторы полагают, что экологический правопорядок – это вид правового порядка, сложившийся в сфере взаимодействия общества и природы по поводу природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, направленный на создание благоприятной окружающей среды, основанный на праве и законности, складывающийся в результате правомерной деятельности субъектов права и обеспечивающийся государственными органами и иными субъектами [4, с. 91–98].

Другие авторы считают, что экологический правопорядок – это система правовых отношений, характеризующая благоприятный уровень состояния окружающей среды, сложившаяся “в результате реализации конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов, исполняющих и соблюдающих возложенные на них юридические обязанности в границах, регулируемых экологическим правом”. При этом предлагается рассматривать экологический правопорядок как “составную часть структуры экологического права, его самостоятельный правовой институт” [5, с. 6–7].

При всей ценности последней концепции, она имеет ряд дискуссионных аспектов. Во-первых, если экологический правопорядок характеризует благоприятное состояние окружающей среды, но не совсем понятно, чем данная правовая конструкция отличается от “экологических прав человека” и “экологической безопасности”, которые характеризуют тоже самое. Во-вторых, кроме соблюдения и исполнения, в теории государства и права выделяются и другие формы реализации права – использование и применение, которые, в данном случае, не названы как средства обеспечения экологического правопорядка. В-третьих, экологический правопорядок не может быть правовым институтом, т. к. это чисто доктринальная категория, которая не отражена в законодательстве. Представляется, что необходимо четко различать экологическое право как науку и отрасль права. Экологический правопорядок – это важнейшая научная категория, позволяющая понять сущность и механизм реализации эколого-правовых предписаний, однако он нормативно не закреплен в каком-то законе. Другими словами, мы выделяем, например, институт ответственности в экологическом праве потому, что объективно существуют нормы экологического и других отраслей права, в совокупности образующих данный комплексный (межотраслевой) институт. Говорить же о появлении нового правового института “экологический правопорядок” можно будет только тогда, когда он получит отражение в нормах экологического права.

Как отмечает Н.А. Духно, предписаниями международных и национальных правовых актов регулируются общественные отношения по поводу формирования “и сохранения благоприятной окружающей среды (экологические отношения). Участниками этих отношений выступают граждане, юридические лица, государственные и общественные формирования – субъекты экологического правопорядка, носители экологических прав и обязанностей” [5, с. 7–8].

Между тем, при таком подходе субъекты “экологических отношений” и “экологического правопорядка” совпадают, в связи с чем, есть ряд сомнений насчет целесообразности существования этих двух одинаковых категорий.

Более того – если “содержанием экологического правопорядка являются права и обязанности субъектов общественных отношений, складывающихся по поводу сохранения и поддержания благоприятной окружающей среды, среды обитания человека и иных биосистем” [5, с. 22], то что будет являться содержанием экологических правоотношений? Разве не права и обязанности их субъектов? Но в чем же тогда будут отличия между “содержанием экологического правопорядка” и “содержанием экологических правоотношений”?

С аналогичной проблемой сталкиваются и исследователи других разновидностей правопорядка. Так, С.В. Андреев отмечает, что “права и обязанности субъектов земельных правоотношений в области градостроительства, их реализация в соответствии с нормами и принципами земельного, градостроительного и иного законодательства есть содержание земельного правопорядка в области градостроительства. В результате указанной реализации субъекты земельных правоотношений в области градостроительства становятся субъектами земельного правопорядка в области градостроительства” [6, с. 7]. Другими словами, субъекты земельных правоотношений в сфере градостроительства и субъекты земельного правопорядка – это все одни и те же лица.

Столь же непростым является и вопрос о субъектах экологического правопорядка. Н.А. Духно приходит к выводу о том, что “юридические лица экологическими правами не обладают, они признаются субъектами только экологических обязанностей и обязанностей по природопользованию” [5, с. 24]. Между тем, права и обязанности – это парные и взаимосвязанные категории. Нельзя обладать исключительно правами, и не нести никаких обязанностей, точно также, как нельзя иметь набор юридических обязанностей, и не иметь при этом никаких прав. Данный вывод следует из ст. 12 Федерального закона “Об охране окружающей среды”, который прямо предусматривает как права, так и обязанности общественных объединений и иных некоммерческих юридических лиц. Поскольку ГК РФ различает коммерческие и некоммерческие юридические лица, то мы можем говорить о том, что экологические права коммерческих юридических лиц прямо не закреплены в законе (и это безусловный недостаток юридической техники данного закона), однако нет оснований говорить о том, что экологических прав у юридических лиц нет вообще. Например, если имуществу одного коммерческого юридического лица был причинен ущерб в результате нарушения требований экологического законодательства другим юридическим лицом, то вправе ли оно требовать возмещения вреда, причиненного его имуществу? И если аналогичный иск граждан о возмещении вреда здоровью и имуществу мы относим к числу экологических, то почему мы должны сделать исключение в другом случае?

Указанное теоретическое суждение имеет много подтверждений в судебной практике. Так, ООО “РостАгро” обратилось в Арбитражный суд Ульяновской

области с иском к ОАО “Ульяновскнефть” о взыскании убытков, указав в обосновании иска, что по соседству с принадлежащими ему земельными участками находится месторождение нефти, которое разрабатывается ОАО “Ульяновскнефть”. Осенью 2013 и весной 2014 гг. на этом месторождении были произведены работы по бурению нефтяных скважин. Вся многотонная тракторная и автомобильная техника, используемая ОАО для разработки нефтяной скважины, проезжала к местам бурения нефтяных скважин, а затем возвращалась на автодорогу, оставляя на полях истца непроходимые колеи, рытвины и траншеи. Техника ОАО в ходе ее эксплуатации перемешивала плодородный слой чернозема с глиной и другими породами, загрязняла почву маслами и ГСМ, вытекающими на поля из буксующих грузовых автомашин и тракторов. В результате несанкционированного проезда техники по подготовленным под посев подсолнечника полям, они частично были испорчены путем перемешивания плодородного слоя почвы с глиной и иными породами, а также загрязнены нефтепродуктами и тяжелыми металлами.

ОАО не отрицало факт принадлежности ему месторождения нефти и ведения работ по его разработке, однако указывало, что ответственными лицами за причиненный ущерб должны являться подрядчики, с которыми у ОАО “Ульяновскнефть” заключены соответствующие договоры.

Судами обеих инстанций было правильно установлено, что в данном случае ОАО “Ульяновскнефть”, осуществляющее разработку месторождения нефти, является лицом, ответственным перед истцом за причиненный ущерб, и наличие договоров подряда не может служить основанием для освобождения ответчика от законной ответственности перед истцом, а только предоставляет право предъявления регрессных требований. Решением Арбитражного суда Ульяновской области от 25.02.2015 заявленные требования были удовлетворены частично (в частности, суд посчитал недоказанными требования истца о взыскании упущенной выгоды), однако суд взыскал с ОАО “Ульяновскнефть” в пользу ООО “РостАгро” 540 560 руб. 83 коп. за ущерб, 10 653 руб. 11 коп. – в возмещение расходов по оплате государственной пошлины, 30 462 руб. 60 коп. – расходов по оплате услуг представителя [7].

Весьма интересна позиция Н.А. Духно, согласно которой экологический правопорядок представляет собой вид отраслевого правового порядка со сложной структурой. “Ее элементами выступают: экологическое право (право окружающей среды), субъекты экологического правопорядка, экологические права и обязанности участников экологических (правоохранительных) правоотношений, экологическое правосознание граждан и должностных лиц, государственное и общественное управление экологическим правопорядком” [5, с. 31]. Дискуссионность такого подхода заключается в следующем:

1) ранее в своей работе автор отмечал, что “экологический правопорядок” – это институт экологического права. Теперь же ВСЕ экологическое право есть элемент экологического правопорядка. Я не против как первого, так и второго подхода, однако оба сразу они, наверное, невозможны.

2) ранее уже отмечалось идентичность категорий “субъект (и содержание) экологического правопорядка” и “субъект (содержание) экологического права”. При этом в последней цитате субъект и содержание указаны, а объект “экологического правопорядка” не упомянут. Но не будем придирается к деталям. В указанной структуре следует согласиться с выделением “экологического правосознания” как элемента “экологического правопорядка”, о чем довольно часто

пишут в эколого-правовой литературе [8, с. 535–538], однако не совсем понятно выделение “управления экологическим правопорядком”. И дело даже не в том, что “общественного управления” не бывает, поскольку у общественности нет властных функций и механизма принуждения каких-либо субъектов к исполнению собственных предписаний, а в том, что управление – это очень важный, но всего лишь один из институтов общей части экологического права. Упомянув его, мы должны были бы упомянуть еще и институт ответственности за экологические правонарушения, поскольку без его использования невозможно обеспечить “экологический правопорядок”.

Справедливости ради следует отметить, что Н.А. Духно в своем исследовании упоминает проблемы юридической ответственности, отмечая, что “для возложения юридической ответственности за нарушение экологического правопорядка необходимо, чтобы существовала причинная связь между действиями, совершенными в нарушение экологического законодательства, и наступившими вредными последствиями, либо эти действия создавали бы угрозу причинения существенного вреда окружающей среде и здоровью людей” [5, с. 35]. Однако ровно те же самые условия мы наблюдаем и в случае “ответственности за нарушение норм экологического законодательства”. И возникает вопрос: как соотносятся друг с другом эти правовые категории?

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в науке теории государства и права уже неоднократно обращалось внимание на необходимость преодоления “односторонности нормативистского отождествления права с совокупностью норм (при котором правопорядок оказывается лишь результатом реализации такого права), но и отождествления действительного (действующего) права только с одной из его форм – государственным правом”. В связи с этим предлагается использовать социологическую методологию, которая, рассматривая правопорядок как элемент “социальной реальности, позволяет учесть все многообразие факторов, которые могут являться причинами появления того или иного вида правопорядка. Эта методология предполагает обращение внимания на социальный детерминизм правовой жизни” [2, с. 8–14].

Разделяя эту позицию, представляется, что рассмотрение “экологического правопорядка” с чисто нормативистских позиций как “совокупности правовых норм, регулирующих тот или иной вид общественных отношений” и воспринимающих “экологический правопорядок” как отдельный правовой институт, неизбежно создаст неразрешимую проблему дублирования смысла и содержания сразу нескольких эколого-правовых категорий, главным образом по линии “субъект (объект, содержание) экологического правопорядка” – “субъект (объект, содержание) экологического правоотношения”. Но даже если мы будем смотреть на категорию “экологический правопорядок” через призму его цели, то мы все равно неизбежно получим дублирование по линии обеспечение “экологического правопорядка” и “экологической безопасности” (при очень не простых вопросах соотношения категорий “охрана окружающей среды” и “обеспечение экологической безопасности”, которые, на мой взгляд, соотносятся как “природоохранная деятельность и ее результат”).

Думается, что категория “экологический правопорядок” имеет смысл только в контексте практики реализации норм экологического права, когда она показывает эффективность природоохранной деятельности публичных и частных субъектов экологического права, отражает состояние окружающей среды и степень реализации экологических прав человека. Только в этом случае данная категория получает практический смысл, а также определенные количественные и ка-

чественные единицы измерения. Однако данный подход пока не получил распространения в российской науке экологического права, хотя перспективность его использования не вызывает сомнений.

Таким образом, если говорить о месте категории “экологический правопорядок” в системе категорий экологического права, то его следует отличать от категории “экологическое право” как совокупности норм, “природоохранной деятельности” как работы по реализации норм экологического права, а также “экологической безопасности” как желаемого результата природоохранной деятельности по реализации норм экологического права.

Категория “экологический правопорядок” показывает динамику реализации норм экологического права в отдельно взятый временной промежуток на территории всей страны или ее части, отличаясь от категории “экологическая безопасность” тем, что последняя категория представляет собой модель идеального состояния окружающей среды, в то время как категория “экологический правопорядок” показывает реальное состояние природоохранных дел. Поэтому трудно согласиться с позицией И.Д. Мухиной о том, что “взаимосвязь экологического правопорядка и экологической безопасности очевидна, но все же второе является качественной характеристикой первого” [9, с. 144].

Другими словами, как можно измерить “состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека”? Путем перечисления правовых норм о нормировании, экологическом надзоре и экологической экспертизе? Едва ли мы сможем достигнуть этим позитивного результата.

Вероятно, это следует делать путем обобщения судебной практики.

Заключение

“Экологический правопорядок” – это не нормативная категория (этот термин не используется в экологическом законодательстве), а доктринальная (в отличие от категории “природоохранная деятельность” или “экологическая безопасность”, часто упоминаемых в законе), и его цель – создание доктринальной системы оценок эффективности применения экологического законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. – Москва : ИКД “Зерцало-М”, 2001. – Т. 3. – 528 с.
2. Юдин, А. В. Формы правопорядка в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Юдин. – Москва, 2009. – 30 с.
3. Ращупкина, Л. В. Экологический правопорядок (общетеоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Ращупкина. – Владимир, 2006. – 26 с.
4. Ращупкина, Л. В. Экологическое правосознание в системе экологического правопорядка / Л. В. Ращупкина, С. В. Солоухина // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 34. – С. 91–98.
5. Духно, Н. А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Духно. – Уфа, 2000. – 55 с.
6. Андреев, С. В. Земельный правопорядок в области градостроительства (с использованием законодательства города Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Андреев. – Москва, 2007. – 29 с.
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.09.2015 № Ф06-127/2015 по делу № А72-13582/2014 // СПС “Консультант плюс”. – Дата обращения: 05.06.2017.

8. **Галанов, А. С.** Экологический правопорядок как элемент культуры / А. С. Галанов / Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 535–538.
9. **Мухина, И. Д.** Экологический правопорядок: проблемы содержания / И. Д. Мухина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 9. – С. 144–146.

Поступила в редакцию 16.06.2017 г.

Контакты: anisimovap@mail.ru (Ансимов Алексей Павлович)

Anisimov A. ECOLOGICAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGAL CATEGORY: THEORETICAL ISSUES.

In the article the existing doctrinal views of the category «ecological law and order» are investigated. The author comes to the conclusion that ecological law and order is not a normative category (this term is not used in the ecological legislation) but a doctrinal category, therefore its purpose is to create the scientific system of estimates of efficiency of the ecological legislation application in the Russian Federation.

Keywords: law and order, ecology, law branch, legal relationship, subject, court.